

УДК 343.214

*Д.Р. Касимов***ТОЛКОВАТЕЛЬНАЯ ИНФЕРЕНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗРАБОТКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье даётся анализ толковательной инференции и её разновидностей. Автор предлагает рассматривать категорию толковательной инференции в качестве структурного элемента разработки и толкования уголовно-правовых оценочных понятий. Обосновывается идея о том, что толковательная инференция является способом верификации результатов толковательной деятельности (как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителя) на предмет семантико-казуистической (содержательно-ситуативной) и нормативной (законодательной) полноты и достоверности. В целях раскрытия не только содержания толковательной инференции, но и обращения к проблеме восприятия и понимания уголовно-правовых оценочных понятий производится разграничение толковательной инференции на законодательскую и правоприменительную. Указывается, что законодательская толковательная инференция (предикативность) обуславливается необходимостью детерминации семантического целеполагания законодателя в ходе его правотворческой деятельности, а правоприменительная – необходимостью установления нормативно-пресуппозиционных и логико-семантических связей, возникающих в процессе толкования оценочных уголовно-правовых понятий. В статье делаются выводы о том, что существование идеи о толковательной инференции позволяет более детально изучить проблематику не только толкования оценочных понятий в уголовном праве, но также и проблему их законодательной разработки.

Ключевые слова: теория правового толкования, интерпретация закона, оценочные понятия, толкование оценочных понятий, толковательная инференция, толковательная предикативность, законодательное целеполагание, правоприменительное целеполагание, содержательно-казуистическая оценка.

DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-6-852-860

Проводя ретроспективный анализ отечественного уголовного законодательства, можно сделать вывод, что законодатель, формируя уголовно-правовой базис, в той или иной степени прибегает к использованию таких понятий (норм), содержание которых детерминируется (определяется) в зависимости от конкретного случая. Вследствие чего, такие оценочные понятия обладают большей семантической (смысловой) нагруженностью, чем понятия, прямо закреплённые в законе. Это обуславливается тем, что оценочные понятия, судя по названию, подлежат некому оцениванию. Так, слово «оценить» в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой толкуется в нескольких значениях (относительно кого-нибудь или чего-нибудь): а) определить цену; б) установить качество, степень, уровень; в) высказать мнение, суждение о ценности или значении [1. С. 499]. При этом все из вышеуказанных значений могут относиться к толкованию оценочных понятий в уголовном праве (например, определить ценность похищенного предмета (ч. 1 ст. 164 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2]), установить степень особой жестокости при убийстве (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и т. д.). Однако третье из представленных значений есть не что иное, как описание (краткое) процесса толкования оценочного понятия. В то же время П.С. Яни рассматривает процесс толкования как «разархивирование» сжатой законодателем (в объёме) информации [3. С. 68].

В свою очередь вышеназванная семантическая нагруженность понятий в процессе их интерпретации субъектом порождает толковательную предикативность (инференцию), то есть предварительную осмысленность всех имеющихся у такого субъекта значений базисных и специальных слов (понятий), необходимых и достаточных для раскрытия содержания оценочного понятия. При этом такое соотношение базисных (предикатных) слов к оценочному понятию образует семантическую рекурсию – дробление оценочного понятия на множество предикатных и взаимозависимых между собой слов. Достигается такой эффект рекурсии тогда, когда одно понятие, имеющее определённый смысл, содержит в себе другое и может быть раскрыто лишь через содержание предыдущего. Именно такая рекурсивность порождает для обеих сторон (законодателя и правоприменителя) проблему коммуникативного целеполагания, то есть проблему «передачи-приёма» семантической составляющей оценочных понятий, когда адресант (законодатель) наделяет то или иное понятие полисемантическим свойством, а адресат (правоприменитель) с учётом конкретных обстоятельств должен правильно истолковать вложенное законодателем значение такого понятия. Однако не всегда и не во всех случаях

результат истолкования оценочного понятия, пусть даже и в одинаковых обстоятельствах (условиях), может принимать одинаковые значения.

Наряду с этим, законодательное целеполагание в уголовно-правовой сфере выстраивается преимущественно вокруг накопившейся за определённое время (кумулятивной) проблематики, возникающей вследствие изменений в социально-политической и экономической обстановке внутри страны. Поэтому законодатель, разрабатывая очередной законопроект о внесении изменений в уголовный закон, должен с необходимой предусмотрительностью вводить новые оценочные понятия (нормы), учитывать их толковательную инференцию для адресатов (и в особенности для правоприменителей).

Впрочем, рассматривать толковательную инференцию лишь с точки зрения законодателя было бы не совсем корректно, так как в процессе толкования участвует именно правоприменитель, а законодатель выступает в качестве арбитра между объектом (текстом закона) и субъектом толкования, а также арбитром, который в случае неясностей, неточностей, неполноты в тексте закона содействует правоприменителю в устранении выявленных недостатков (а возможно, и правовых коллизий). Поэтому необходимо рассмотреть толковательную инференцию с точки зрения законодателя и правоприменителя. Но прежде чем перейти к вышеупомянутым частным случаям необходимо обозначить общие, генерализующие её аспекты.

В первую очередь необходимо обозначить общее понятие инференции. Так, М.Ю. Олешков определяет инференцию как познавательную операцию, «...в процессе которой адресат (или исследователь – интерпретатор дискурса), не обладающий информацией о процессе речепорождения адресанта, восполняет смысл высказывания» [4. С. 11]. Принимая во внимание данное определение, можно дать следующую дефиницию толковательной инференции. Толковательная инференция¹ – это основанная на рефлексии форма осмысления (понимания и осознания) семантической и казуистической (ситуативной) принадлежности того или иного единичного слова или группы слов (словосочетаний) к содержанию оценочного уголовно-правового понятия. В связи с этим нельзя не привести слова В.Н. Кудрявцева, который обратил внимание на тот факт, что суд, помимо установления соответствия фактических обстоятельств дела с признаком состава преступления, должен прежде всего определить, «...что имеется в виду...» (т.е. значение (содержание)) под таким признаком [5. С. 116]. Исходя из представленного понятия можно выделить следующие свойства толковательной инференции:

1) рефлексивность. Осмысленность субъектом познания предикатных словесных конструкций, из которых может состоять описание (пословное) дефиниции конкретного оценочного понятия;

2) денотационно-референтная направленность. Процесс осмысления словесных конструкций направлен не только на конкретные объекты действительности и их свойства, но и на группы или классы таких объектов и их свойств. Как отмечает С.В. Первухина, именно при толковании понятий осуществляется «...максимальная экспликация денотативных сем терминов» [6. С. 137], то есть раскрытие при помощи описательного перевода (через уже известные субъекту предметы и явления) конечного (элементарного, далее не делимого) значения терминов;

3) предикативность. Проявляется в том, что словесные конструкции, описывающие оценочное понятие, всегда обладают неким объективно существующим (абстрактным, не зависящим от самого субъекта) грамматическим значением, то есть отражают связность содержания данных словесных конструкций и объективной действительности. К примеру, Д.В. Власов указывает, что связь признака с предикацией проявляется, в частности, в случае отражения субъектом факта принадлежности (утверждения) или отсутствия (отрицания) у предмета того или иного свойства (качества), которое ему сопоставляется [7. С. 161].

4) казуистическая изменчивость. Слова или словосочетания могут иметь различное содержание не только в зависимости от конкретных обстоятельств, но и в зависимости от субъекта познания (интерпретатора);

¹ Автор считает возможным употребление следующих синонимичных понятий: толковательная инференциальность, толковательная предикативность, толковательная предикация; так как вследствие синонимии с толковательной инференцией указанные слова равнозначно определяют вложенный в них автором смысл. Между тем использование понятия «толковательная предикативность» при разграничении толковательной инференции на её виды обусловлено тем, что коммуниканты (законодатель и правоприменитель) обладают правовой информацией и юридическими знаниями, которые в разной степени дают представление о семантико-казуистической направленности оценочного уголовно-правового понятия.

5) семантическая коррелятивность. Предполагает смысловую взаимозависимость как между предикатными словесными конструкциями, так и между ними и интерпретируемым оценочным понятием. Так, П.С. Яни указывает на тот факт, что значение понятия раскрывается лишь при его рассмотрении в конкретно взятом контексте [3. С. 66]. Аналогичной точки зрения придерживается Д.П. Горский, говоря о том, что выделение какого-либо конкретного предмета (в т. ч. его наименования) из множества других не должно осуществляться в случае «...абстрагирования от его практического употребления» [8. С. 38].

Вместе с тем толковательная инференция позволяет детерминировать часть толковательного процесса. Так как процесс толкования оценочного понятия состоит из нескольких, последовательных между собой стадий (прочтение, перевод, осознание (осмысление) и интерпретация), то, соответственно, толковательная инференция обуславливается стадиями восприятия полученной любым перцептивным способом (аудиально, визуально и т. п.) информации, то есть стадиями прочтения, перевода и осмысления. Такая функционально-содержательная консолидированность стадий прочтения, перевода и осмысления позволяет определить пресуппозицию (необходимое смысловое условие) оценочного понятия, что влияет на достоверность и точность последующего толкования.

Не менее важным моментом для раскрытия сущности толковательной инференции является определение её структуры, состоящей из следующих основных элементов:

1) слово либо группа слов (словосочетание). Стоит отметить, что слово, являясь структурной единицей языка, есть способ представления, фиксации и передачи любой информации. Однако в структуре толковательной инференции оно не только выполняет вышеуказанные функции, но и задаёт интенциональность (направленность человеческого сознания) на ситуативную и семантическую ретроспекции (т.е. обращает сознание субъекта на общепринятый порядок и условия употребления данного слова);

2) объекты внеязыковой действительности. К данным объектам относятся денотат (множество (т. е. класс) объектов) и референт (конкретный объект из множества ему однотипных). Если для референта характерна индивидуализация признаков объекта, то для денотата, наоборот, генерализация таких признаков. К примеру, при толковании такого оценочного понятия, как особая историческая и культурная ценность (ст. 164 УК РФ), икона «Троица», написанная Андреем Рублёвым, будет являться референтом (т.к. в силу сложившихся по делу обстоятельств она конкретно определена из множества других икон), а денотатом будет общее наименование подобных предметов – объекты историко-культурной ценности. Так как объёмом понятия особая историческая и культурная ценность охватывается историко-культурная ценность вышеуказанной иконы «Троица», то интерпретация ценности последней будет значительно детальней за счёт индивидуализации объекта толкования;

3) семантическое и коннотативное поля. Если семантическое поле определяет прямое значение того или иного слова (оценочного или предикатного по отношению к нему), то коннотативное поле обуславливает наличие в данном слове коннотативных (сопутствующих такому значению) элементов, то есть неких характеристик (признаков), детерминирующих представления субъекта познания об интерпретируемом слове;

4) субъект познания. Так как возможно официальное и неофициальное толкование уголовно-правовых норм, то субъектом может выступать любое заинтересованное в интерпретации лицо (как физическое, так и юридическое). Однако прагматичность и достоверность полученных результатов от толковательного процесса напрямую зависит от компетентности и правового статуса субъекта (например, в соответствии с ч. 5 ст. 125 Конституции РФ только Конституционный Суд РФ уполномочен официально толковать положения Конституции РФ [9]). Нельзя не согласиться с мнением А.Ф. Черданцева, который утверждает, что при обычном прочтении закона (как простого текста, без осмысления его юридического содержания) воспринимается «...лишь общий и абстрактный смысл нормы права» [10. С. 13].

Вместе с тем к дополнительным (факультативным) структурным элементам толковательной инференции можно отнести семантическую нормативность (т.е. законодательно установленное значение предикатных слов (словосочетаний), которые составляют оценочное понятие).

Рассмотрев общие аспекты толковательной инференции, можно перейти к разбору её разновидностей. Первой из них выступает законотворческая толковательная предикативность (инференция), которая представляет собой отражённое в нормах права законодательное целеполагание в сфере общего семантико-казуистического правотворчества и последующего порядка правоприменения.

Данный вид инференции призван ответить на следующие вопросы: в каких случаях (когда) и при каких условиях (почему) необходимо применять создаваемую оценочную норму (понятие)? Будет ли понятен для адресата (в особенности для правоприменителя) смысл (значение) данной оценочной нормы (понятия)? Структура данных вопросов во многом предопределяет содержание законотворческой толковательной предикативности (инференции), которое раскрывается посредством обозначения её отличительных признаков и структуры.

Что касается отличительных признаков, то здесь в качестве таковых выступают следующие:

1) волевая диспозитивность. Характеризуется тем, что в процессе законотворчества законодатель вправе самостоятельно выбирать содержательный вектор разрабатываемой или изменяемой им нормы, но в пределах, не противоречащих уголовному и иному законодательству Российской Федерации (в отдельных случаях – международным нормативно-правовым актам и международным договорам Российской Федерации);

2) эмоциональная диссоциативность (нейтральность). Проявляется в отсутствии в законодательстве каких-либо эмоционально-экспрессивных речевых средств (оттенков), которые могут затруднить восприятие и понимание правовых норм;

3) официально-деловая стилистичность словесных конструкций. Язык права состоит не только из общего, но и из специального (юридического) понятийно-терминологического аппарата, словесные конструкции которых формируются при помощи официально-делового стиля речи. Именно такой стиль, с одной стороны, обеспечивает единообразие в изложении законодательной мысли, а с другой – затрудняет их восприятие, поскольку оперирует полисемичными (многозначными) словами. Однако, как справедливо отмечает И.Я. Козаченко, законодатель должен избегать полисемичных терминов [11. С. 111]. Аналогичной точки зрения придерживается Ю.В. Грачева, которая также указывает на необходимость в законодательной словесной экономичности [12. С. 1326]. Вместе с тем вышеуказанное свойство обладает также и субсвойством волюнтаривности, которое наделяет словесные конструкции, ставшие буквой закона, формой предписанного долженствования (т.е. императивностью), побуждающее субъектов права действовать в рамках законодательных предписаний;

4) коллегиальная когнитивность (познаваемость). Так как законотворчество есть коллективный мыслительный процесс (даже в случае законодательной инициативы со стороны какого-либо должностного лица), то познавательная-созидающая деятельность базируется на основе принципов кумулятивности, дискуссионности и мажоритарной акцептности (т.е. принципа одобрения большинства). Из этого следует, что такой когнитивный процесс выстраивается по нижеприведённой последовательной схеме (при условии, что каждый предыдущий этап (за исключением первого) был поддержан большинством голосов):

а) единоличное (на праве законодательной инициативы) или коллегиальное выдвижение идеи на совместное рассмотрение (стадия осмысления и постановки проблемы);

б) первичный анализ (необходимость, целесообразность существования в текущий период времени) поступившего предложения;

в) содержательный (логико-семантический) анализ законопроекта;

г) последующее формирование и структурирование норм права при помощи лингвистических, логических и юридических методов и средств.

Таким образом, происходит обмен мнениями (идеями), что, несомненно, помогает обозревать проблему с различных точек зрения (т.к. мировоззрение и системы ценностей индивидуальны) и достичь максимально возможного уровня объективности при законотворчестве.

Помимо всего прочего необходимо выделить тот факт, что само по себе уголовное законодательство исходя из Уголовного кодекса Российской Федерации есть не что иное, как свод правил императивного характера (например, в части установления оснований и принципов уголовной ответственности) с элементами диспозитивности (например, в части назначения наказания (смягчающие обстоятельства и др.)). Причём закреплённая в уголовном законе диспозитивность может быть как полной (например, понятие смягчающих наказание обстоятельств (ст. 61 УК РФ)), так и частичной (например, понятие значительного ущерба гражданину (примечание 2 к ст. 158 УК РФ)). Вследствие такого разнообразия диспозитивности в уголовно-правовых нормах законодатель вынужден чётче формировать семантические границы оценочных понятий, чтобы исключить их неверное (т.е. неуместное в данном контексте) или чересчур расширительное (т.е. выходящее за рамки обусловленности) толкование. В связи с этим следует упомянуть мнение М.И. Ковалева, который утверждает, что «законодатель должен

так сформулировать закон, чтобы смысл его был ясен, а форма изложения полностью отражала то, что должно быть в нем выражено, чтобы воля законодателя в полной мере доходила до читающего закон...» [13. С. 142]. В то же самое время А.Ф. Черданцев указывает, что «...законодатель ... употребляет слова с оттенком значения, отличающегося от... общепринятого» [10. С. 9], что может привести к искажению смысла (значения) слова.

Возвращаясь к рассмотрению признаков законотворческой толковательной предикативности (инференции), необходимо детерминировать семантические границы оценочных понятий, под которыми следует понимать максимально допустимые (как в лингвистическом, так и в юридическом аспектах) смысловые значения, принимаемые оценочными понятиями. Такие границы определяются как с точки зрения законодателя, так и с точки зрения правоприменителя. Если рассматривать семантические границы оценочных понятий с точки зрения законодателя, то здесь на первый план выходит не только законодательная целесообразность существования оценочного понятия в настоящий период времени, но и её семантическая согласованность с другими нормами (в т. ч. межотраслевыми). Именно поэтому данные семантические границы определяются факторами отраслевой или межотраслевой непротиворечивости (т. к. в случае противоречий будет иметь место некорректное толкование содержания понятия), а также законодательным целеполаганием, призванным донести в тексте нормативно-правового акта смысловые предпосылки (намерения) законодателя до субъектов права (в особенности до правоприменителей). Что же касается вышеуказанных семантических границ для правоприменителей, то здесь они, с одной стороны, производны (зависят) от законодательных границ (т. к. правоприменитель должен действовать на основании и в пределах законодательства), а с другой – лично синхронизированы, т. е. зависят от конкретного субъекта познания (интерпретатора). В частности, здесь и проявляется толковательная диспозитивность, позволяющая при идентичных обстоятельствах по делу интерпретировать одно и то же оценочное понятие по-разному. Однако подобная семантическая разница не должна быть слишком большой, так как в противном случае можно утверждать о том, что имеет место расширительное толкование.

Ещё одним компонентом содержания законотворческой толковательной предикативности является её структура, которая требует лишь дополнительной детализации (конкретизации) ранее рассмотренных структурных элементов толковательной инференции. Основное структурное различие проявляется прежде всего в специфике субъекта познания, который прямо указан в законе. Таковым субъектом могут являться исключительно законодательные органы и их должностные лица (Совет Федерации (её члены) и Государственная Дума (её депутаты) Федерального Собрания РФ), иные органы и должностные лица Российской Федерации, наделённые правом законодательной инициативы в соответствии со ст. 104 Конституции РФ (Президент РФ, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы субъектов РФ, Конституционный суд РФ и Верховный Суд РФ), а также прокурор в случае установления в ходе своей деятельности необходимости совершенствования законодательства (ст. 9 федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 26.07.2019) «О прокуратуре Российской Федерации» [14]). В остальной же части структура рассматриваемой предикативности идентична структуре толковательной инференции в целом.

Таким образом, обобщая характеристику законотворческой толковательной предикативности (инференции), можно сказать, что законотворчество (особенно в уголовно-правовой сфере) – это многосторонний процесс, затрагивающий, помимо формального (юридического), и содержательный аспект. Поэтому, создавая или изменяя уголовное законодательство, законодатель должен предвидеть возможные затруднения в правоприменении (особенно в правоприменении норм, содержащих оценочные понятия) посредством осмысления (при создании новых норм) или переосмысления (при изменении уже существующих) использованных в тексте закона словесных конструкций, тем самым обеспечив нормальное функционирование деятельности правоприменительных органов и их должностных лиц.

Переходя к рассмотрению правоприменительной толковательной предикативности (инференции), в первую очередь необходимо обозначить её определение, под которым следует понимать когнитивно-прагматическую (познавательную-практическую) деятельность физического лица, направленную не только на познание, осмысление и интерпретацию словесных конструкций (слов и словосочетаний), содержащихся в законе, но и на интроспекцию (рефлексию) имеющихся у данного лица фоновых (т.е. основанных на жизненном опыте) знаний, непосредственно обуславливающих глубину содержания интерпретируемых правовых норм. В отличие от законотворческой, правоприменитель-

ная толковательная предикативность (инференция) отвечает на такие вопросы, как: правильно ли был выбран используемый тезаурус для конкретной ситуации; соответствуют ли полученные в ходе толкования правовых норм результаты критериям достаточности, достоверности (логичности) и нормативности (законодательного соответствия) (Иными словами, в достаточном ли объёме была проведена работа по верификации полученных в ходе интерпретации результатов?). Из этого следует, что здесь, помимо общего и отраслевого правопонимания, важную роль играют также знания субъекта в других научных и ненаучных областях, на что обращает внимание А.Ф. Черданцев [10. С. 9].

Содержательная часть правоприменительной толковательной предикативности (инференции) представлена свойственными ей признаками и структурой. Признаками рассматриваемого вида предикативности следует считать:

1) персонифицированность (индивидуальность) толкования. Процесс толкования оценочных понятий носит индивидуальный характер, поэтому каждый субъект познания воспринимает правовую, социально-экономическую и иные виды реальности по-разному, что проявляется, в частности, в различиях смысла при толковании несколькими субъектами одной и той же оценочной нормы права. Однако даже один и тот же человек с течением времени может изменить своё суждение (но только суждение, а не само принятое по делу решение) по поводу содержания интерпретированного им в прошлом оценочного понятия. Ведь, как справедливо отмечает А.А. Ивин, «оценки изменяются... и у одного и того же человека с течением времени» [15. С. 45];

2) субъектная диспозитивность. В качестве субъекта познания (интерпретатора) может быть любое физическое лицо (в случае с юридическим лицом, являющимся по своей сути фикцией, интерпретатором также выступает полномочное на то локальным нормативным актом физическое лицо), могущее в силу своих личных и профессиональных качеств и соответствующего опыта дать содержательно-казуистическую оценку какой-либо правовой норме оценочного характера (оценочному понятию). Однако, как говорилось ранее, не во всех случаях результаты толкования оценочного понятия могут послужить основой для вынесения правоприменительного акта (решения), так как всё зависит от правового статуса интерпретатора;

3) процессуальная нормативность. При толковании оценочных понятий правоприменитель обязан неукоснительно следовать действующему законодательству. В таком аспекте созидательная свобода правоприменителя в части процессуального порядка толкования (в т. ч. и в тех случаях, когда используется легальное (закреплённое в законе) понятие необходимо для раскрытия содержания оценочного понятия) и формы закрепления её результатов ограничиваются на законодательном уровне. Однако в других законодательно неурегулированных случаях правоприменителю предоставляется полный карт-бланш (свобода действий и выбора), в результате чего он сам вправе выбирать содержательный вектор толковательного процесса. Поэтому динамизм закона, как утверждает В.В. Питецкий, достигается, когда в нём содержатся оценочные понятия [16. С. 75]. Действительно, оценочные понятия придают законодательству свойство приспособляемости к постоянно изменяющимся правовым, социально-политическим, социально-экономическим и другим реалиям (условиям), в том числе и приспособляемости к конкретным случаям (казусам);

4) формальная прецедентность толкования. Хотя судебный прецедент в России не является официальным источником права, однако в соответствии со ст. 126 Конституции РФ, разъяснённые Конституционным Судом РФ положения Конституции РФ (закреплённые в соответствующем решении) являются общеобязательными для всех правоприменителей. Судебные же решения (и изложенные в них выводы) иных судов (за исключением постановлений Пленума Верховного Суда РФ) носят лишь рекомендательный характер, то есть могут быть учтены правоприменителем при вынесении решения по аналогичному делу, но источником права они являться не могут. В таком случае правоприменитель самостоятельно, исходя из обстоятельств конкретного дела (в т. ч. обстоятельств судебного прецедента) и принимая во внимание собственные умозаключения (суждения), решает вопрос о необходимости аналогичного или же иного толкования правовой нормы (и в частности, оценочного понятия).

Рассмотренные признаки определяют нормативно-процессуальные границы толковательной деятельности правоприменителя, акцентируя внимание в большей степени на её субъективной стороне, так как она базируется на психической (интеллектуальной и эмоционально-волевой) деятельности, индивидуальной для каждого человека. Поэтому правоприменительное толковательное целеполагание, в отличие от законодательного, направлено прежде всего на интроспекцию (рефлексию) имеющихся профессиональных и фоновых знаний (и сопутствующего им опыта), умений и навыков, а не только на законодательство (пусть даже и в межотраслевом аспекте).

Раскрывая структуру правоприменительной толковательной предикативности, необходимо отметить, что она практически идентична структурным элементам толковательной инференции, но имеет свои структурные особенности, проявляющиеся в следующих структурных элементах:

1) знания как в области юриспруденции, так и в других областях знаний, а также основанные на них умения и навыки теоретико-прагматической деятельности. Данные структурные элементы непосредственно влияют на качество результатов толкования, так как они являются основным инструментарием познающего правовые нормы субъекта. Необходимо упомянуть тот факт, что данный структурный элемент является лишь синтезом таких структурных элементов толковательной инференции, как слово (словосочетание), а также семантическое и коннотативное поля, поскольку взаимосвязь между вышеуказанными общими элементами образует то или иное знание об объектах реального и идеального (духовно-интеллектуального) мира;

2) правоприменительный опыт. Данный опыт необходим для толкования оценочного понятия, так как процедура правоприменительной интерпретации требует от субъекта наличия определённого круга освоенных им на практике знаний, умений и навыков, необходимых для недопущения со стороны правоприменителя нарушений закона и предотвращения возможного ущемления прав, свобод и законных интересов участвующих в правоприменении лиц. Для доктринального толкования (научной интерпретации) уголовно-правовых оценочных понятий такой опыт будет являться лишь положительным (но не обязательным) фактором, влияющим в большей степени на прагматическую достоверность толковательных результатов. В то же время Н.Д. Голев указывает, что при научном (доктринальном) толковании содержание истолкованного текста закона стремится (имеет тенденцию) к некому отдалению «...от социальной действительности», поскольку оно вынуждено опираться на аутентичное толкование [17. С. 11-12].

Резюмируя проведённый анализ правоприменительной толковательной предикативности (инференции), следует упомянуть, что сформированные в сознании правоприменителя значения слов (словосочетаний) и сопутствующие им ассоциации (коннотативные связи) вынуждены коррелировать действующему на период толкования законодательству. В противном случае принцип законности (ст. 3 УК РФ) соблюдаться не будет, как следствие, результаты толковательной деятельности окажутся за пределами юридической силы. Между тем, интерпретируя оценочное понятие, содержащееся в УК РФ, правоприменитель должен прибегать к использованию не какого-либо одного способа толкования правовых норм, а сразу к нескольким (грамматическому, логическому, систематическому и др.). Лишь в этом случае, как отмечает А.Ф. Черданцев, можно выразить «действительное содержание нормы права» [10. С. 135-136].

Рассмотрев частные случаи толковательной инференции в лице её законотворческой и правоприменительной разновидностей, следует также выстроить взаимосвязь между ними. Во-первых, правоприменительный процесс произведен от законотворческого, что влечёт за собой, как говорилось ранее, нормативность (подотчётность закону) семантико-процессуального порядка (что обуславливается наличием в законе легальных понятий и процессуальных норм), то есть правоприменительная толковательная предикативность (инференция) напрямую зависит от содержания законотворческой. Однако в исключительных случаях, когда та или иная правовая норма оказывается нецелесообразной или коллизионной в ходе её практического применения, вышеуказанная зависимость имеет реверсивный (обратный) характер: законотворческая предикативность обуславливается правоприменительной. В дополнение стоит отметить, что закреплённые в законе (легальные) понятия обеспечивают семантическое единообразие не только при толковании оценочных понятий, но и при применении норм права вообще. Во-вторых, законотворческая и правоприменительная толковательные предикативности базируются в той или иной мере на общих логико-лингвистических конструкциях, определяющих интеллектуальные и эмоционально-волевые процессы в ходе правотворчества или правоприменения. Это обуславливается не только тем, что законодатель и правоприменитель мыслят на одном языке, но также и тем, что вследствие общего менталитета образуются практически идентичные коннотативные и семантические поля (связи). Между тем И.Я. Козаченко указывает, что юридически идеальной уголовно-правовой нормой будет та норма, где «...язык закона основывается на законе языка...» [11. С. 116], то есть когда юридический язык (понятийно-терминологический аппарат) основывается на грамматических, семантических, логических и иных правилах русского языка.

Таким образом, вышеизложенные положения о сущности толковательной инференции, её разновидностях позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, толкование оценочных уголовно-правовых понятий есть сложный и многоступенчатый процесс, соединяющий в себе не только юридические, но и логико-лингвистические аспекты. В связи с этим толковательная инференция является посредником между разными областями знаний, так как детализирует механизм восприятия и осмысления предикатных по отношению к оценочному понятию (т.е. определяющих его словесное значение) словесных конструкций. Подобная детализация предоставляет субъекту познания оценочных понятий дополнительные и расширительные средства верификации результатов такого толкования на предмет полноты и достаточности выявленных семантико-казуистических параметров вышеуказанных конструкций.

Во-вторых, коммуникация между законодателем и правоприменителем происходит преимущественно посредством законодательства, содержащего в себе не только определённые (легальные), но и оценочные понятия. Поэтому как законодательное, так и правоприменительное целеполагание в ходе разработки или толкования оценочных понятий призваны обозначить их семантические границы и определить казуистический вектор их использования в правотворчестве или правоприменении.

В-третьих, главной задачей законотворческой толковательной предикативности является установление содержательных (в т.ч. коннотативных) значений законотворческой деятельности в сфере уголовного права. В свою очередь основной задачей правоприменительной толковательной предикативности является детерминация нормативно-пресуппозиционных и логико-семантических связей, возникающих в процессе толкования оценочных понятий. Именно поэтому данные виды предикативности (инференции) дают возможность более детально раскрыть причинно-следственные связи семантико-казуистического выбора словесно-содержательной конструкции (структуры) уголовно-правовых оценочных понятий.

В заключение необходимо обозначить следующее: представление толковательной инференции как структурного элемента интерпретации уголовно-правовых оценочных понятий весьма целесообразно, поскольку в ходе такой интерпретации интеллектуальная деятельность субъекта направлена на познание логико-семантических границ оценочных понятий и слов, которыми они определяются (предикатные словесные конструкции). В связи с этим законодатель на интуитивно понятном для правоприменителя уровне должен отразить в законодательстве вышеуказанные границы, а правоприменитель – найти и осмыслить их и истолковать оценочные понятия в должном семантическом контексте применительно к конкретному случаю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СПС «Консультант Плюс».
3. Яни П.С. Вопросы толкования уголовного закона // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2012. № 4. С. 55-75.
4. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / авт.-сост. М.Ю. Олешков; Нижнетагильская гос. социально-педагогическая академия. Н.Тагил, 2006. 146 с.
5. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 304 с.
6. Первухина С.В. Семантические и синтаксические характеристики адаптированного текста в юридическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2 ч. Ч. II. С. 136-140.
7. Власов Д.В. Понятие как форма мысли и проблема онтологического статуса признаков // Философия и общество, 2009. № 2. С. 156-170.
8. Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий / отв. ред. С.А. Яновская. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 351 с.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. 166 с.
11. Козаченко И.Я. Язык – душа и совесть уголовного закона // Правоведение. 2003. № 2. С. 109-116.
12. Грачева Ю.В. Язык закона и судебское усмотрение // Lex Russica. М.: Изд-во МГЮА, 2010, № 6. С. 1315-1329.
13. Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. № 3. С. 142-146.

14. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 26.07.2019) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 337 с.
16. Питецкий В.В. О гарантиях правильного применения оценочных понятий // Вопросы эффективности уголовно-правовых норм: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1978. Вып. 66.
17. Голев Н.Д. Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2. С. 5-15.

Поступила в редакцию 03.10.2019

Касимов Дамир Ринатович, аспирант
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: dam.kasimov@yandex.ru

D.R. Kasimov

**INTERPRETATIVE INFERENCE IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT
AND INTERPRETATION OF CRIMINAL-LEGAL EVALUATIVE CONCEPTS:
THEORETICAL ASPECT**

DOI: 10.35634/2412-9593-2019-29-6-852-860

The article provides an analysis of interpretative inference and its varieties. The author proposes to consider the category of interpretative inference as a structural element of the development and interpretation of criminal law evaluative concepts. The idea that interpretative inference is a way of verification of the results of interpretative activity (both from the side of lawmakers and from the side of law enforcers) for semantic-casuistic (substantive-situational) and normative (legislative) completeness and reliability is substantiated. In order to disclose not only the content of interpretative inference, but also to address the problem of perception and understanding of criminal law evaluative concepts, a distinction is made between law-making interpretative inference and law-enforcement interpretative inference. It is indicated that law-making interpretative inference (predicativeness) is determined by the need to determine the semantic goal-setting of legislator in the course of its law-making activities, as well as the law-enforcement one – the need to establish necessary regulatory-presuppositional and logical-semantic relations arising for the process of interpretation of evaluative concepts of criminal law. The article concludes that the existence of ideas about interpretative inference allows a more detailed study of the problems associated not only with the interpretation of evaluative concepts in criminal law, but also with the problem of their legislative development.

Keywords: theory of legal interpretation, interpretation of the law, evaluative concepts, interpretation of evaluative concepts, interpretative inference, interpretative predicativeness, legislator goal-setting, law-enforcement goal-setting, substantive casuistic assessment.

Received 03.10.2019

Kasimov D.R., postgraduate student
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: dam.kasimov@yandex.ru